

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.079

**«РУССКАЯ ИДЕЯ» В СТИХОТВОРЕНИИ
ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА «ФЕДОРА»****С. Ю. Николаева**

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

В статье рассматривается историософский смысл стихотворения Ю. П. Кузнецова «Федора». Делается вывод о том, что поэт определяет сущность текущего исторического момента в судьбе России в 1993 г., намечает исторические параллели с предшествующими эпохами, вступает в полемику с Чаадаевым и Вяземским, развивает идеи Достоевского и Блока. В центре внимания Ю. П. Кузнецова находится путь России в мировой истории, «русская идея», которая представляет собой не движение по кругу или по кривой, без цели, как считал Чаадаев, не топтание на месте, а осознанное и завещанное предками стояние на своем, поступательное движение вперед через катастрофы и возрождение. Идиостиль поэта подчинен решению этой художественной задачи.

Ключевые слова: Ю. Кузнецов, П. Чаадаев, П. Вяземский, А. Блок, Ф. Достоевский, «русская идея», философия русской истории, образ России, идиостиль.

Стихотворение «Федора», датированное в автографе 29 августа 1993 г., является одним из программных произведений Ю. П. Кузнецова и обладает высокой степенью воздействия на читательскую аудиторию. В чем секрет такого влияния, такого мощного художественного эффекта? Сам поэт, по воспоминаниям С. А. Небольсина, считал, что «никакому компьютеру» не удастся «вычислить смысл» «Федоры» [4, с. 48]. Однако внимательный читатель, используя принцип «медленного чтения», вполне способен проникнуть в глубины этого шедевра. Ведь автор всегда рассчитывает на такого читателя-реципиента. Скорее всего, Ю. П. Кузнецов имел в виду несводимость главной идеи своего стихотворения к простой сумме буквальных значений единиц текста, каждая из которых обладает самостоятельным смыслом и требует отдельного комментария.

Безусловно, дата создания – 29 августа 1993 г. – как часть текста свидетельствует о прикрепленности «Федоры» к конкретной исторической эпохе, к той острейшей социально-политической ситуации, которая сложилась в России в 1993 г. И целый ряд исторических реалий («на рельсах», «на трибуне», «меж двух огней Верховного Совета», «на ра-

венстве, на брани, на свободе») заставляет и сейчас воспринимать это произведение как горячий отклик на жестокие и страшные события той эпохи. Эти детали воссоздают обстоятельства, в которых произошел трагический расстрел здания Парламента в 1993 г., а лозунг Французской буржуазной революции «Свобода, равенство, братство» перефразирован с учетом вольтеровского призыва «Раздавите гадину!», актуализированного в знаменитом «Письме 44-х». Однако новейшим поколениям данные реалии уже непонятны, и в собрании сочинений Ю. П. Кузнецова их нужно тщательно разъяснять. Поэт хотел сказать, что Россия (Федора) устоит, несмотря на все свершившиеся и совершающиеся исторические катастрофы.

Но было бы неверным рассматривать данное стихотворение только как сочинение на злобу дня, в котором выражен «саботаж новейшему капиталистическому посулу» (С. А. Небольсин). «Федора» имеет и вневременное значение, выражая виртуозными художественными приемами сущность русского духа. «Федора» воплощает в себе «русскую идею, как и поэзия Кузнецова в целом» [6, с. 68]. «Федора» занимает свое собственное место в историко-литературном процессе и находится в одном ряду с такими шедеврами, как «Клеветникам России» А. С. Пушкина, «Русь» и «Россия» А. А. Блока, «Русь Советская» С. А. Есенина и многие другие произведения русских поэтов.

Интертекстуальный слой в стихотворении очень плотный. Многократно отмечалось, что основная идея стихотворения перекликается с тючевским «Умом Россию не понять...» и поэзией Блока. Однако методика «медленного чтения», построочный комментарий к тексту Кузнецова дает новые интересные результаты.

Место «Федоры» в литературном ряду обеспечено прежде всего тем, что поэту удалось создать целостный, законченный, концептуально выверенный и внутренне полемичный образ России, образ, не похожий на другие, «прецедентные» образы и вместе с тем тесно связанный с ними многочисленными интертекстуальными скрепами:

На площадях, на минном русском поле,
В простом платочке, с голосом навзрыд,
На лобном месте, на родной мозоли
Федора-дура встала и стоит.

Этот зачин в стихотворении Ю. П. Кузнецова провоцирует читателя на внутреннюю полемику (Почему Россия – Федора? Почему Федора – дура?) и на воссоздание литературных соотношений («простой платочек», скорее даже «синенький скромный», а вовсе не блоковский «плат узорный до бровей»). Сомнений не вызывает одно: заглавие «Федора» должно читаться как «Россия». Правомерность этой перифразы легко подтверждается высказыванием А. С. Пушкина из переписки с П. Я. Чаа-

даевым: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам *Бог ее дал*» (Здесь и далее курсив мой. – С. Н.). «Федора» переводится с греческого как «Богом данная». У Пушкина: «Бог... дал». Россия – это наше Отечество, данное нам Богом. Думается, эта переписка – один из наиболее существенных для Ю. П. Кузнецова литературных источников, которые использовались им в творческом процессе.

Еще один значимый и полемически воспринятый Ю. П. Кузнецовым источник – рассуждения П. А. Вяземского о стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России» в «Записных книжках» (22 сентября 1831 г.):

«Пушкин в стихах “Клеветникам России” кажется европейцам шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на “вопросы”, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европе любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения?»

Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней. “Народные витии”, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи подобные вашим. Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: “*От Перми до Тавриды*” и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы *лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст*, что физическая Россия – Федора, а нравственная – дура» [2, с. 191–193].

Ю. П. Кузнецов встает на сторону Пушкина и Федору-дуру помещает в иной оценочный контекст, нежели у Вяземского. При этом он, безусловно, учитывает потенциал имени «Федора», реализующийся и развертывающийся в известной пословице про «большую (великую) Федору» («Большая / Велика Федора, да дура»). Огромная территория Русского государства, которую многократно пытались расчленивать, сузить, ограничить, завоевать внешние враги, не могла не стать предметом рефлексии писателей и философов.

Вяземский почти буквально повторяет слова и мысли П. Я. Чаадаева из «Философических писем», где в характеристике России акцент ставился именно на географических особенностях, которые предопределили в значительной степени нашу историческую несостоятельность: «Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства <...>. А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между *Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим*

на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение.<...> Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось *растянуться от Берингова пролива до Одера*» [10].

Пушкин в своем стихотворении «Клеветникам России» изобразил русские пространства («От Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды»), гениально воссоздав точку зрения древнерусского книжника на Русскую землю – точку зрения «с высоты птичьего полета», когда внутренний взор охватывает все государство в целом, а топонимы задают координаты в системе меридианов и параллелей. Такую позицию повествователя Пушкин мог усвоить благодаря знакомству со «Словом о полку Игореве», в котором автор мгновенно переносится в своем воображении с юга на север, с запада на восток («Кони ржут за Сулой – звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле!»). Еще ближе к пушкинской концепции мощи Русской земли древнерусское «Слово о погибели Русской земли», Пушкину неизвестное, но типологически (по поэтике) родственное, в нем масштаб Русского государства обозначен с помощью этнонимов: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все с помощью Божьей покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за Синим морем» [8, с. 130–131].

Чаадаев, отозвавшись на стихотворение Пушкина «Клеветникам России», весьма иронически переосмысливает географический, геософский опыт Пушкина, а вслед за Чаадаевым уже Вяземский и вовсе называет этот опыт «географическими фанфаронадами».

«Шестая часть земли с названьем кратким «Русь»» (С. А. Есенин) своим масштабом смущала и М. Е. Салтыкова-Щедрина («Россия страна земледельческая, и уж как-то *чересчур континентальная. Растянулась она неуклюже, натуральных границ не имеет*; рек мало, да и те текут в какие-то сомнительные моря. Ах, бедные, бедные! Эта страна представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Вынесла

она и удельную поножовщину, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительное озорство и закрепощение. Все выстрадала и за всем тем осталась загадочной, не выработав самостоятельных форм общежития. А между тем самый поверхностный *взгляд на карту* удостоверяет, что без этих форм в будущем предстоит только мучительное умирание» [7, с. 64], и, по словам Ф. М. Достоевского, других, представленных в тургеневском романе «Новь», «пророков наших, умевших разглядеть в лице России лишь спящее, гадкое, пьяное существо, протянувшееся от Финских хладных скал до пламенной Колхиды, с колоссальным штофом в руках» [3, с. 38].

Поскольку тема великих русских пространств и России, которая «ровнем-гладнем разметнулась на полсвета» (Н. В. Гоголь) была в значительной мере исчерпана, Ю. П. Кузнецов сосредоточился на разработке второй части поэтической словесной формулы «Федора-дура». *Durus* в переводе с латинского – «простак», «простой». Русский (в сказках) дурак – вовсе не глупец, он простодушен, прямодушен, искренен, ясен, чист, у него душа нараспашку. Ему чужды ложь, лицемерие, подлость и обман. Не случайно героиня Кузнецова «в простом платочке», она «простушка». Но эта «простота» многого стоит и оборачивается глубокой «тайной»: «И в тайне ты почиешь, Русь» (А. Блок).

В чем же состоит тайна Руси, сущность ее духа и души? Сущность русского национального характера? Прежде всего эта тайна в том, что Россия существует и стоит на своем законном месте среди других народов и государств вопреки всем историческим катастрофам и бедствиям: «Федора-дура встала и стоит». Этот рефрен повторяется в каждой строфе стихотворения Кузнецова и создает эффект «поэтического резонанса» (В. Н. Топоров), усиливая смысл фразы к концу стихотворения.

При этом Кузнецов учитывает целый ряд своих предшественников, которые по-разному оценивали это «стояние» России («самостояние» – Пушкин). Так, например, Чаадаев утверждал, что мы, русские, не относимся «ни к Западу, ни к Востоку и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы *стоим* как бы вне времени»: «Я не перестаю удивляться этой *пустоте*, этой удивительной оторванности нашего социального бытия» (вспомним «Русское ничто» Ю. Кузнецова); «В домах наших мы как будто определены на *постой*»; «всем нам не хватает какой-то *устойчивости*, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком»; «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского *застоя*» [10]. Для Чаадаева русское «стояние на своем» – это «плоский застой».

Думается, для Ю. Кузнецова была актуальна другая словесная формула, символизирующая мощь и несокрушимость Руси: «Се повесть временных лет, откуда *есть пошла* Русская земля, кто в Киеве начал пер-

вее княжители и откуда Русская земля *стала есть*». «Есть пошла» и «стала есть» – значит «возникла и утвердилась». Слово *есть* – форма глагола *быть*, «существовать». В древнерусском тексте летописи она выполняет грамматическую функцию глагола-связки, но в восприятии современного читателя «есть» – значит «существует». По сути, Кузнецов дал свой перевод формулы древнерусского книжника: «Есть пошла» и «стала есть» в его поэтической транскрипции звучит так: «встала и стоит». Обращение поэта к летописному памятнику обусловлено историзмом его художественного мышления, стремлением видеть сегодняшний текущий момент как звено в историческом процессе.

Кузнецов попытался уловить смысл текущего политического момента и оценил его как кризисный, катастрофический. Здесь просматривается параллель с историческими эпохами, в которых оказывались Достоевский в 1870-е гг. («Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною», – писал он еще раньше, в 1878 г.) и Блок в 1900–1910-е, который цитировал «Дневник писателя» Достоевского, пытаясь объяснить свое время в различных работах, в том числе в статье «Безвременье»: «Кажется, почва уходит из-под ног: *столб крутящейся пыли* вырывает воронки в земле и уносит вверх окружающие цветы и травы. Тогда кажется, что близок конец» [1, с. 75–76]. Эстафету принял Ю.П. Кузнецов, которому тоже довелось жить в России в «минуты роковые» – он стал свидетелем событий начала 1990-х гг. Не случайно многие строки Блока, не только стихотворные, но и прозаические, вошли в интертекстуальный слой многих произведений Ю.П. Кузнецова (ср. кузнецовскую строку: «*Столб крутящейся пыли* идет, одинокий и страшный...»).

В момент катастрофы, когда рушится государство и подтачивается душа народа, поэту-мыслителю нужна какая-то точка опоры. И эту точку опоры многие русские поэты и писатели находили в русском национальном характере. Изучал этот характер, со всеми его положительными и отрицательными чертами, и Ю.П. Кузнецов.

Кузнецов внимательно читал Чаадаева и вступал с ним не только в спор, но и в конструктивный диалог. Замысел «Федоры» можно считать ответом Кузнецова на мысль Чаадаева: «Для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера».

Кузнецов исследует именно «общий дух», менталитет, метафизическую сущность характера русского народа. И для этого он использует свой излюбленный прием – обращается к сокровищнице русского языка, к идиомам, пословицам и поговоркам, в которых отразилась русская кар-

тина мира яснее всего. При этом он осуществляет контаминацию разных фразеологизмов, «разрушает» фразеологизм, переиначивает его на свой лад, вписывая в контекст своего стихотворения.

Вся конструкция стихотворения держится на одном исходном выражении – «стоять на своем». И вот это «свое», то есть внутреннюю сущность Федоры-России, Кузнецов и расшифровывает с помощью устойчивых выражений. Их можно классифицировать по тематическому принципу.

Первая группа фразеологизмов объединяется общим значением «рисковать, действовать на «авось»»: *идти по минному полю; скользить по тонкому льду; ходить по лезвию ножа; жить как на вулкане; оказаться меж двух огней.*

Вторая группа – «совершать роковые ошибки, заблуждаться»: *зарыть свой талант в землю; заблудиться в трех соснах; наступать на те же грабли; колесо восьмерит.*

Третья группа – значение «страдать, заниматься самобичеванием, испытывать чувство вины»: *рыдать навзрыд; наступать на любимую мозоль; сыпать соль на рану.*

Четвертая группа – значение «оказаться в ситуации кризиса, на грани поражения или краха»: *на краю бездны; у разбитого корыта; на разных полюсах; как снег на голову.*

Пятая группа – значение «иллюзии, ложные истины, мнимые ценности, обман, фальшивые обещания»: *райские кущи; свобода, равенство, братство; пятое колесо в телеге; ковер-самолет; на трех китах; яблоко раздора; лечь на рельсы.*

Шестая группа – значение «ценности истинные»: *камень веры; крыша мира; Федора-дура.*

Мастерство Ю. Кузнецова проявилось в том, что он не просто апеллирует к выражениям, в которых кристаллизовалась народная мудрость. Он их переосмысливает («На равенстве, на брани, на свободе» – разоблачение лживости поборников «свободы» и «прав человека»), усиливает («на пятом колесе, что восьмерит» – нечто вдвойне бесполезное или вредное), редуцирует («на граблях, на ковре-пансамолете» – настойчивость в достижении цели и умение переживать неудачи; заметим: возможно, под «пансамолетом» Ю. Кузнецов подразумевал масштабный проект космического корабля «Буран», который был разработан в те годы, но прекратил свое существование в силу политических обстоятельств), соединяет два в одно («Среди трех сосен, где талант зарыт» – обозначение какие-то сугубых утрат), создает на их основе новую метафору («На камне веры, где орел сидит» – указание на русскую государственность, в сохранение которой верит поэт).

В целом поэту удастся воссоздать целостную характеристику русского национального характера, главными чертами которого он счита-

ет готовность защищать истинные ценности, быть «крышей мира» (как сказал бы Достоевский, «болеть за все человечество») и ради этого действовать «на авось», оказываться в трагических ситуациях, совершать и осознавать свои ошибки, испытывать чувство вины (по словам Чехова, «чувство вины – это чувство русское»), мечтать о высоком и прекрасном и вместе с тем остроумно разоблачать лживые посулы и фальшивые идеалы. На этом стоит Федора-дура.

Интерпретируя выражение «стоять на своем», нужно также учитывать многозначность глагола *стоять*. Поскольку в подтексте «Федоры» содержится древнерусский литературный слой, правомерно обратиться за справкой относительно исконных, старинных (частично устаревших или утраченных) значений слов *стоять*, *стояние* к труду И. И. Срезневского. Перечень приводимых им значений весьма широк и позволяет углубить и расширить восприятие многогранного смысла «Федоры». *Стоять* (по материалам древнерусских памятников) – это не только «быть в стоячем положении, не двигаться», но также и «мешкать», «оставаться», «находиться», «пребывать», «присутствовать», «занимать помещение, место», «быть направленным», «осаждать», «вести осаду», «запрещать», «отказывать», «противостоять», «противиться», «заступаться», «защищать», «настаивать», «держаться», «исполнять», «предстоять», «начальствовать», «управлять», «быть». *Стояние* – это и собственно «стояние», и «молитвенное стояние», «молитва», «осада», «пребывание», «предстояние», «достоинство», «сан», «основание», «заступление», «защита», «соединение», «сопряжение» [9, с. 526–529].

«Чарам зла» и свистящему «черту» Федора, конечно же, «противится, противостоит», «русское поле» – «защищает», «на истине» – «настаивает», за «талант» – «заступается», «соловьиною трель» и «набат» «на колокольне» – «исполняет», «ковром-пансамолетом» – «управляет», «у бездны» – «мешкает», «на лобном месте» – «находится» практически всегда в силу геополитических конфликтов и противоречий. «На камне веры» Федора осуществляет «молитвенное стояние», «молитву» и при этом сохраняет свое «достоинство». Поэт рассчитывает на то, что читатель в каждой его строке почувствует необходимый смысловой оттенок, прочтает подтекст.

Тот факт, что Кузнецов использует синтаксический параллелизм и конструкцию «стоять на...» делает повторяющейся, формообразующей, текстообразующей, следует рассматривать и оценивать как явление поэтического резонанса. Текст не воспринимается как звучащий монотонно именно благодаря разнообразию привлеченных фразеологизмов, идиом, поговорок и в результате того, что реализуется вся парадигма значений ключевого слова «стоять».

Система устойчивых выражений (корпус паремий), использованных в стихотворении Ю. Кузнецова, осложнена многочисленными переключками с литературными источниками. Есть параллели, которые обусловлены общерусским языковым фондом, так как стали к XX веку общеупотребительными (например, пушкинское «у разбитого корыта»). Но есть и такие, употребление которых индивидуально, обусловлено художественным замыслом автора. В частности, строка «на пятом колесе, что восьмерит» явно представляет собой перифраз высказывания Чаадаева из «Философических писем»: «Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели» [10].

Зачин «Федоры» («На площадях, на минном русском поле...») содержит яркую реминисценцию из знаменитого стихотворения А. Блока:

Всё ли спокойно в народе?
Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

И действительно, в стихотворении Кузнецова разговоры о «новой свободе» являются важнейшим элементом общей конструкции текста и всего того фундамента, на котором «Федора-дура встала и стоит».

Строчки «На кладбище, где сон-трава грустит, / На клавише, на соловьиной трели <...> На истине, на кочке, на болоте» навеяны статьями А. Блока «Безвременье» и «Дитя Гоголя»: «Кажется, что близок конец и не может более существовать литература. Она сметена смерчем, разразившимся в душе писателя. <...> То, что имеет подобие смерча, есть только дикий вопль души одинокой, на миг повисшей над бесплодьями *русских болот*»; «Такая Россия явилась только в красоте, как в сказке, зримая духовным очам. Вслед за Гоголем снится она и нам. Он же, первый приподнявший завесу, за дерзкое свое прозрение изведаль все унижение тоски и серую всероссийскую мразь; не выдержав «очерствения жизни», *глухой «могилы повсюду»*... <...> Гоголь сломился. <...> В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок – родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, – не знаем; как назовем ее, – не знаем. Чем безлюдней, чем зеленее *кладбище*, тем громче *песня соловья* в березовых ветвях над могилами <...>. Нет, музыка нас не покинет» [1, с. 379]. Размышления Блока о конце современной литературы и о судьбе русского писателя в условиях политического и исторического безвременья стали одним из источников художественной концепции Кузнецова. Его Федора – это не только Россия, это и русская литература, которой предрекали гибель не раз, но которая тем не менее «встала и стоит» и «нас не покинет».

Завершается стихотворение социально заостренными строками: «На рельсах, на трибуне, на вулкане... <...>. Меж двух огней Верховного Совета / На крыше мира, где туман сквозит, / В лучах прожекторов, нигде и где-то...». Эти финальные строки соотносятся со статьей А. Блока «Стихия и культура»: «Между двух костров распалившейся Мести, между двух станов мы и живем. Оттого и страшно: каков огонь, который рвется наружу из-под “очерепевшей лавы”? Такой ли, как тот, который опустошил Калабрию, или это – очистительный огонь? Так или иначе – мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности – каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землей; а под нами – громышающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы» [Там же, с. 359]. Блок описывает в данном фрагменте извержение вулкана в Италии и переносит это описание на конкретно-историческую обстановку в России. Топика этого фрагмента совпадает с топикой кузнецовской строфы: у Блока: «между двух костров... между двух станов», «на... аэроплане, высоко над землей», «огнедышащая гора», «Мы еще не знаем в точности»; у Кузнецова: «меж двух огней Верховного Совета», «на крыше мира», «на ковре-пансамолете» (эта фраза из предыдущих строф), «на вулкане», «нигде и где-то». И Блок, и Кузнецов не могут предугадать, каким будет исход нынешних потрясений, будет ли кризис опустошающим или очистительным. Отсюда у Кузнецова отрицательные и неопределенные местоименные наречия – «нигде и где-то». Но оба поэта верят в то, что Россия устоит несмотря ни на что.

В целом поэзия и публицистическая проза А. Блока были, судя по нашим наблюдениям, глубоко восприняты Ю. Кузнецовым. Это проявилось также в созвучии авторской позиции Ю. Кузнецова и признания А. Блока: «Для того, чтобы отвечать на недоумения противников, я считаю себя вправе не прибегать к определению понятий, но считаю своим долгом развивать и углублять все ту же тему на своем языке» [Там же, с. 353]. Ю. Кузнецов для создания образа России-Федоры действительно нашел свой, особенный язык.

Итак, историософский смысл кузнецовской «Федоры» состоит в том, что поэт определяет сущность текущего исторического момента в судьбе России в 1993 г., намечает исторические параллели с эпохами прошлыми, вступает в полемику с Чаадаевым и Вяземским, развивает идеи Достоевского и Блока. Понятие «русская идея» приобрело особую актуальность на новом витке истории, теперь уже на рубеже XX–XXI вв., в поэзии Ю.П. Кузнецова, «вписанной в культурное пространство всей русской литературы» [6, с. 68] и других «почвенников», «указывающих

духовный путь русскому народу» [5, с. 87]. Путь России, «русская идея», по Кузнецову, – это не движение по кругу или по кривой, без цели, как считал Чаадаев, не топтание на месте, а это осознанное и завещанное предками стояние на своем, это балансирование «на какой-то окончательной точке, над бездной» и вместе с тем это поступательное движение вперед через катастрофы и возрождение.

Список литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Худож. лит., 1962. 804 с.
2. Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 515 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Февраль // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 470 с.
4. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 6 т. Т. 5. 1992–2003. М.: Литературная Россия, 2013. 720 с.
5. Редькин В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 21. Вып. 5. С. 81–87.
6. Редькин В. А. «Русская идея» Юрия Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 48–68.
7. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. М.: Советская Россия, 1989. 314 с.
8. Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. 652 с.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. 1683 с.
10. Чаадаев П. Я. Философические письма [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>. (Дата обращения: 15.04.2020).

“THE RUSSIAN IDEA” IN YURI KUZNETSOV’S POEM “FEDORA”

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article deals with the historiosophical meaning of J. P. Kuznetsov’s poem “Fedora”. It is concluded that the poet defines the essence of the current moment in the history of Russia in 1993, outlines historical parallels with previous eras, enters into a polemic with Chaadaev and Vyazemsky, develops the ideas of Dostoevsky and Blok. Yu. P. Kuznetsov focuses his attention on way of

Russia in the world history, the “Russian idea”, which is not a movement in a circle or along a curve, without a goal, as Chaadaev believed, not trampling on the spot, but a conscious and bequeathed by the ancestors insistent movement forward, through disasters and rebirth. The poet’s idiostyle is subordinate to the solution of this creative problem.

Keywords: *Yu. Kuznetsov, P. Chaadaev, P. Vyazemsky, A. Blok, F. Dostoevsky, “Russian idea”, the philosophy of Russian history, the image of Russia, author’s style.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.